

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.4>

Власова Елизавета Алексеевна

АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОВЕСТИ "ИНОСТРАНКА" С. ДОВЛАТОВА

В задачу исследования входят обнаружение и анализ механизмов создания автоинтертекстуального характера повести "Иностранка" С. Довлатова. Таким образом, основной целью изучения является иллюстрация на материале повести того, как автоинтертекстуальность помогает реализовать творческие задачи писателя. При этом фокус работы направлен в первую очередь не на обнаружение автоинтертекста - переключки повести с другими довлатовскими текстами, но на семантико-смысловую (философскую) составляющую автоинтертекстуальности. В статье делается упор не на формальное присутствие (авто)интертекстом, но на контентность, содержательность вводимых писателем отсылок к более ранним произведениям.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/8/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 26-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82; 7; 18:7.01

Дата поступления рукописи: 10.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.4>

В задачу исследования входят обнаружение и анализ механизмов создания автоинтертекстуального характера повести «Иностранка» С. Довлатова. Таким образом, основной целью изучения является иллюстрация на материале повести того, как автоинтертекстуальность помогает реализовать творческие задачи писателя. При этом фокус работы направлен в первую очередь не на обнаружение автоинтертекста – переключки повести с другими довлатовскими текстами, но на семантико-смысловую (философскую) составляющую автоинтертекстуальности. В статье делается упор не на формальное присутствие (авто)интертекстом, но на контентность, содержательность вводимых писателем отсылок к более ранним произведениям.

Ключевые слова и фразы: русская литература постмодерна; «Иностранка»; Довлатов; автоинтертекст; интертекстуальность.

Власова Елизавета Алексеевна

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
kealis@gmail.com*

АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОВЕСТИ «ИНОСТРАНКА» С. ДОВЛАТОВА

Повесть «Иностранка» относится к тем произведениям Довлатова, которые, с одной стороны, были неоднозначно восприняты в момент своего появления критиками [4], с другой стороны, в связи, возможно, с такой неоднозначной оценкой проигрывают по количеству посвященных им публикаций по сравнению, например, с более ранними произведениями писателя, такими как «Заповедник» [2; 6] или «Зона» [1; 3].

Интертекстуальный характер прозы С. Довлатова представляет собой **актуальное** направление современного довлатоведения [2; 6]. Однако диалоговые связи внутри прозы самого Довлатова часто остаются без внимания, и фокус исследований оказывается направлен на поиск взаимосвязей довлатовских текстов с произведениями других авторов [2; 5; 6]. В этой связи настоящая работа затрагивает малоизученный аспект в творчестве Довлатова на материале повести «Иностранка», так как в **задачу** автора настоящей статьи входит обнаружение связей повести внутри творческого наследия писателя. **Целью** предпринятого автоинтертекстуального анализа является демонстрация того, как автоинтертекст актуализирует моменты близости (родства) женского персонажа и мужского, позволяя в образе героя повести репрезентировать новые черты, эксплицировать ранее «потаенные» мысли и суждения.

Рассмотрение интертекстуального поля повести «Иностранка» необходимо начать с весьма парадоксального заявления. Подобно тому, как при анализе романа Гюстава Флобера «Госпожа Бовари» [14] исследователи (как и сам писатель) говорят о близости образа Эммы Бовари самому прозаику («Госпожа Бовари – это я!»), так и в случае с Довлатовым можно сказать, что образ Марии Татарович, главной героини «Иностранки», есть не что иное, как образ-двойник самого героя-рассказчика (в более широком плане – Довлатова). Судьба Маруси – женский вариант жизненной судьбы мужского персонажа довлатовской прозы (Довлатова, Далматова, Алиханова). Эмигрантское прошлое, настоящее и будущее героини – в малом видоизмененная проекция на ее жизнь-сюжет линий эмигрантской судьбы главного героя довлатовских текстов. Маруся и Борис – гендерные варианты одного художественного типа, одного типологического жизненного инварианта. В биографическом плане Маруся и Довлатов – оба эмигранты. Но внешне-биографическое «сходство» этим и исчерпывается: Маруся из Москвы, Довлатов – из Ленинграда. Героиня жила и воспитывалась в благополучной «номенклатурной» [9, с. 196] семье, детство и юность героя-Довлатова (опираясь на текст «Зоны») проходили «заурядно» [8, с. 15] и «предвещали обычную советскую биографию» [Там же].

При таком понимании главной особенности «Иностранки» – родство героини и самого писателя – закономерно возникает вопрос о существовании в повести пластов автоинтертекста, эксплицитно выраженных отсылок к ранним произведениям Довлатова.

Если детство и ранняя юность героев не выявляют родства и единства, то уже следующий этап становления персонажей эксплицирует «сближение» обстоятельств и, как следствие, обнаруживает близость характеров. Развитие отношений Маруси и Цехновицера (едва ли не в точности) повторяет взаимоотношения Таси и Далматова («Филиал»).

«Иностранка»: «Молодежь, собиравшаяся у Татаровичей, ездила на юг и в Прибалтику. Хорошо одевалась. Любила рестораны и театральные премьеры. Приобретала у спекулянтов джазовые записи. У Цехновицера не было денег. За него всегда платила Маруся» [9, с. 198]. «Цехновицер в этой компании чувствовал себя изгоем» [Там же, с. 199].

«Филиал»: «Круг Тасиных знакомых составляли адвокаты, врачи, журналисты, художники, люди искусства. Это были спокойные, невозмутимые люди, обладавшие, как... представлялось, значительным достатком. Они часто платили за меня в ресторане. Брели на мою долю театральные контрамарки. Предоставляли мне место в автомобиле, если компания отправлялась на юг» [10, с. 76]. «Разумеется, эти люди меня не попрекали. И вообще проявляли на этот счет удивительную деликатность. (Возможно, из презрения ко мне.) Короче, я болезненно переживал все это» [Там же, с. 78].

Между тем общность и близость повзрослевших (состоявшихся) героев актуализируются уже более широко и более репрезентативно. Ментальные слагаемые жизни Муси и героя-Довлатова обнаруживают удивительное единство и родство. И прежде всего в отношении к эмиграции.

Как Алиханов в «Заповеднике» воспринимал за границу как нечто мифическое, ирреальное и сравнивал зарубежье с «тем светом» («Америка была для меня фикцией. Чем-то вроде миража» [9, с. 237]; «Ведь мне безразлично, что делается *на том свете*» [Там же, с. 216]), так и для Муси: «В эмиграции было что-то нереальное. Что-то, напоминающее идею загробной жизни» [Там же, с. 207]. Заметим, что ни Муся, ни Алиханов не отправляются в эмиграцию по политическим соображениям («Филиал»: «– Скажи мне, что ты думаешь о будущем России? Только откровенно. – Откровенно? Ничего» [8, с. 16]; Маруся в «Иностранке»: «К политике я отношения не имею...» [9, с. 255]). Им обоим близка некая доля авантюристичности.

Внутренняя близость персонажа Довлатова Марусе отчетливо проступает тогда, когда герой-рассказчик применительно к ней использует определение «творческая жизнь»: «*Творческая жизнь* <!> у Маруси не складывалась. Замуж она, по существу, так и не вышла. Многочисленные друзья вызывали у нее зависть или презрение» [Там же, с. 207]. Ирония автора понятна, но использование маркированного, аксиологически окрашенного эпитета в данном случае симптоматично – жизнь героя и жизнь Маруси воспринимается повествователем *творческой*. Родство персонажей предельно эксплицировано.

По мере развития повествования об «иностранке» близость главной героини и персонажа-рассказчика становится все более очевидной. Интертекстуальный пласт повестей Довлатова актуализирует детали и мотивы, кажется, незначительные мелочи, которыми автор наделяет поочередно того или другого героев.

Так, оказавшись за границей, в эмиграции, в новой для них стране, оба персонажа ощущают себя *чужими* (доминантный мотив всей прозы Довлатова). И если для думающего, мыслящего, аналитически настроенного героя этот (лейт)мотив органичен и даже характерологичен, то в случае с Марией он может показаться избыточным, излишним, надуманным. Между тем привыкание к Нью-Йорку (своеобразная ассимиляция) у Маруси происходит в форме, весьма близкой Далматову («Филиал»).

«Рано утром Маруся бежала к остановке сабвея. Дальше – около часа в грохочущем, страшном подземном Нью-Йорке. Ежедневная порция страха. <...> Постепенно из хаоса начали выступать фигуры, краски, звуки. Шумный торговый перекресток вдруг распался на овощную лавку, кафетерий, страховое агентство и деликатесный магазин. Черда автомобилей на бульваре превратилась в стоянку такси. Запах горячего хлеба стал неотделим от пестрой вывески “Бекери”. Образовалась связь между толпой ребятишек и кирпичной двухэтажной школой...» [Там же, с. 217].

Как и Далматову, героине Нью-Йорк внушал «чувство раздражения и страха» [Там же]. Ей и ему хотелось быть такими же «небрежными», как «чернокожие юноши в рваных фуфайках» [Там же]. О Марусе говорится, что она мечтала «возненавидеть этот город так просто и уверенно, как можно ненавидеть лишь одну себя...» [Там же], и последнее сравнение в точности повторяет формулу, выведенную Алихановым в «Зоне» применительно к себе и зеку Купцову («...так ненавидеть можно одного себя» [8, с. 61]). Внутренние – психологические – нюансы образов (натуры) героев оказываются вновь весьма близкими.

Творческая личность Маруся, подобно герою-Довлатову, может абстрагироваться от реальности, дистанцироваться от происходящего, воспринимает абсурдность и алогизм мира на уровне театра. Шекспировский (в интертекстуальном плане) мотив «жизнь-театр» близок Довлатову (Далматову, Алиханову) и звучит во многих повестях прозаика («Зона», «Заповедник», «Филиал»), но он свойственен и органичен и восприятию героини «Иностранки». Так, Нью-Йорк для Маруси был «происшествием, концертом, зрелищем» [9, с. 217]. Или, оказавшись рядом с сотрудниками посольских служб, Мария переживает «театральное чувство»: «У Маруси сразу же возникло ощущение театра, зрелища, эстрадной пары. Жора был веселый, разбитной и откровенный. А Балиев – по контрасту – хмурый, строгий и неразговорчивый. При этом между ними ощущалась согласованность, как в цирке» [Там же, с. 263]. Сравнение «как в цирке» разоблачает примитивно-банальную игру функционеров-персонажей, но и становится акцентом в характере героини-эмигрантки, по своему неглупой, умеющей почувствовать фальшь и обман.

Обращает на себя внимание еще одна особенность героев, проступающая при обращении к интертексту. Ранее – в повестях «Зона», «Заповедник», «Филиал» – отмечалось, что образу героя Алиханова-Далматова сопутствует («около-пушкинский») мотив недовольства собой, некоей иррациональной таинственной вины.

«Зона»: «В чем причина моей тоски и стыда?..» [8, с. 121].

«Филиал»: «Любую неприятность я воспринимал как расплату за свои грехи. И наоборот, любое благо – как предвестие расплаты...» [10, с. 88].

«Филиал»: «Как мне хотелось подарить ее Ленке самые дорогие игрушки. И не потому, что я добрый. Совсем не потому. А потому, что я был виноват и хотел откупиться...» [Там же, с. 85].

Сходные ощущения переживает и Маруся в «Иностранке»: «Удовольствия неизбежно порождали чувство вины. Бескорыстные поступки вознаграждались унижениями...» [9, с. 205].

Будучи «вырванными из текста», эти внутренние женские мысли героини могут быть атрибутированы как мужские, легко и напрямую переадресованы Довлатову-Далматову-Алиханову. К тому же в них явно угадывается «печоринское» начало с его знаменитыми антиномиями: «Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял... лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца...» [12].

Родство персонажей Маруси и Довлатова-героя акцентировано рядом психологических деталей и внутренних сквозных мотивов, в т.ч. интертекстуальных. Причем эти детали могут быть ироничны и, как нередко бывает у Довлатова, ориентированы на самоиронию.

Так, в себе Алиханов («Заповедник») отмечает такую деталь: в самый пикантный момент у него всегда запутывались шнурки на ботинках или заклинивала молния («...беззвучно проклинал испорченную молнию на джемпере» [7, с. 167]). В сходной ситуации оказывается (мета)герой Довлатова и в других повестях, но в т.ч. и Маруся: в ювелирной мастерской, где обучалась героиня, разогретая пластинка металла попадает ей в сапог и жжет ногу, а «застежка-молния, конечно же, не поддавалась» [9, с. 224]. Понятно, что в подобной ситуации мог оказаться любой герой довлатовской прозы, однако ни, например, Лернер, ни Лемкус, ни Цехновицер или др. не оказались в таком положении в тексте, только Алиханов и Маруся.

Даже такой мужской мотив, как пьянство, присущий всем довлатовским героям (наряду с утверждением «Еврей хотя бы не запьет!» [10, с. 121], «Филиал»), как ни странно, спасает в минуты отчаяния и Мусю. В эпизоде с улетевшим попугаем Лоло отчаявшаяся Муся «вынула из холодильника бутылку рома» и «сказала вслух»: «Напьюсь... жизнь кончена...» [9, с. 281]. Ранее рассмотренный в «Заповеднике» блоковский мотив «Я знаю: истина в вине...» оказывается напрямую связан и с образом (спасением) женского персонажа-двойника.

Однако наибольшего сходства alter ego герои достигают во внутренних сомнениях и терзаниях, в оценках себя и собственных поступков, в философии эмиграции. Уже в «Заповеднике» были показаны интертекстуальные слагаемые этого мотива-философемы. В «Иностранке» они находят свое развитие.

Сквозным интертекстуальным мотивом у героев Довлатова оказывается мотив денег (отсутствия денег). Для героев Довлатова «деньги – зло» [7, с. 107], «не в деньгах счастье» [9, с. 257]. Ответ Маруси на подобное глубокомысленное умозаключение: «Особенно те, – соглашалась Маруся, – которых нет...» [Там же, с. 228] – звучит очень в духе Алиханова или Далматова, столь же афористично.

Однако наибольшего сходства alter ego герои достигают во внутренних сомнениях и терзаниях, в оценках себя и собственных поступков, в философии эмиграции. Уже в «Заповеднике» были показаны интертекстуальные слагаемые этого мотива-философемы. В «Иностранке» они находят свое развитие.

Героиню Довлатова, как прежде и его героя, мучит вопрос предпринятой ею эмиграции, ее смысла, оправданности, перспектив и итогов. В ранних довлатовских повестях герои с сомнением относились к эмиграции и эмигрантам. Так, в «Заповеднике» Алиханов говорил о «пораженцах», об «ущербном таланте» Набокова [7, с. 104]. В «Филиале» Ковригин именовал всех собравшихся на симпозиуме «банкротами» [10, с. 24], сам Далматов определял себя в разговоре с дочерью как «обыкновенного жалкого эмигранта» [Там же, с. 108]. Маруся в «Иностранке» подхватывает и продолжает эту «низвергающую» линию. В одном из диалогов она так характеризует пребывание в эмиграции: «Не жизнь, а санаторий для партийных работников. Стоило ли ради этого ехать в такую даль?..» [9, с. 20], словно бы напоминая о такой же беззаботно-бесперспективной жизни в доме родителей в Москве. В другой раз Муся даже использует метафору: «Ты посмотри вокруг. Я говорю о наших эмигрантах. Они же все – командированные» [Там же, с. 238], т.е. люди убогие, нищие, приземленные, как и командированные в СССР, ограниченные в средствах и возможностях, в мечтах и представлениях. Правда, о самой героине рассказчик иного мнения: «Маруся не производила впечатления забитой и униженной» [Там же, с. 245]. «Она мне сразу же понравилась – высокая, нарядная и какая-то беспомощная. Бросалась в глаза смесь неуверенности и апломба» [Там же, с. 230].

Героиня (как и герой Довлатова) пытается понять других и себя. Через других постичь себя. Неслучайно, кажется, не очень интеллектуальная и не очень образованная Муся задается вопросом «...как жить дальше?» [Там же, с. 205], «кто же я на самом деле?» [Там же, с. 226]. Каждый из этих вопросов Довлатов иронизирует, снижает его философический пафос, но вопросительная интонация звучит всерьез, тревожит его героев: за иронической составляющей повествования (по-прежнему, как и в «мужских» повестях) ощущается константность масштабного «шекспировско-гамлетовского вопроса» – «Быть или не быть?..».

Неслучайно общение с Марусей доставляет удовольствие герою-Довлатову, неслучайно героиня вызывает в нем интерес. Понимающе грустно звучат слова Маруси: «Плохо... что вы женаты. Мы бы поладили...» [Там же, с. 231]. Неслучайно и то, что неожиданно для себя герой «вдруг поцеловал ее» [Там же, с. 243]. Персонажи не любовники, но друзья. Точнее – люди, хорошо понимающие друг друга, персонажи-двойники.

Иными словами, образ Маруси Татарович есть «женский вариант» мужского персонажа Довлатова (Алиханова, Далматова, Довлатова). Автоинтертекст (ранее образно метафорически определяемый критикой как «джазовые вариации» [13, с. 156]) позволяет писателю расширить образ центрального – сквозного – довлатовского автопсихологического персонажа. Те суждения и поступки, которыми по ряду причин Довлатов не мог наделить вдумчивый мужской персонаж, были переадресованы легкомысленному женскому персонажу, Марусе Татарович, позволяя художнику ее образу придать чуть больше свободы, противоречивости, глупости, «сомнительности». Те глубинно психологические суждения, которые не могли прорваться в речи мыслящего и контролирующего себя мужского персонажа, были упрощены и уплощены посредством образа не очень умной и не очень эрудированной героини, но в своей спонтанности и непоследовательности успевающей произнести то, что не решался произнести вслух авторский персонаж.

Наконец, можно обратить внимание на название повести – «Иностранка». Напомним, что в повести «Зона» именно автопсихологический герой Алиханов был назван в тексте «иностранцем» [8, с. 26] – «двойничество» героев очевидно.

Таким образом, можно утверждать, что «Иностранка» органично встраивается в диалог (внутренний диалог) писателя с самим собой. Поэтому утверждение А. Гениса о том, что «пуэрториканец Рафаил Хосе Белинда Чикориллио Гонзалес – единственный положительный герой “Иностранки”» [4, с. 121], требует корректировки: любимым персонажем, конечно же, оказывается не Рафа, а Маруся, в которой герой-рассказчик отчетливо разглядел свое собственное отражение, прописал собственные боли и сомнения. «Галерея эмигрантских типов, написанных углем с желчью» [Там же, с. 132], несомненно, заслуживает одобрения, но заслуга писателя тем не менее остается в создании цельного женского персонажа. Образ Маруси не карикатурен, но самоироничен, подвержен разоблачающей самооценке и саморефлексии (но не беспощадной карикатуризации). Образ женского двойника героя Довлатова позволяет художнику углубить психологическую составляющую центрального образа, наделить его новыми гранями и психологическими нюансами.

В «Иностранке» вектор автоинтертекста направлен на расширение хронотопического пространства, а также его локализацию. Выявленные (намеченные) претексты (автопретексты) Довлатова позволяют демонстрировать близость конститутивной сущности образа главной героини Муси Татарович образу сквозного – автопсихологического – героя довлатовской прозы. Женский персонаж-двойник насыщает образ центрального героя прозы Довлатова чертами психологической нюансировки, более тщательной детализации. Мысль В. Куллэ о том, что в «Иностранке» «личность автора вытесняется из текста в область чистой стилистики» [11, с. 243], должна быть скорректирована: как и в прежних довлатовских повестях, стиль играет в нарративной стратегии весьма значительную роль, однако образ автора, в данном случае – образ авторского «двойника» Маруси Татарович, как и в других повестях Довлатова, играет лидирующую роль, т.е. поддерживает тот единый метатекст, который создается всем массивом художественных текстов прозаика.

Список источников

1. **Богданова О. В.** Современная русская литература. Лагерная тема в русской прозе 1950-1980-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 32 с.
2. **Бутенина Е. М.** Миф американской литературы в филологической прозе русских писателей-эмигрантов в США // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. Вып. 1. С. 5-9.
3. **Высеквов П. В.** Функции писем в структуре повести С. Довлатова «Зона» // Критика и семиотика. 2006. Вып. 9. С. 112-125.
4. **Генис А.** Довлатов и окрестности: филологический роман. М.: Вагриус, 1999. 302 с.
5. **Доброзракова Г. А.** Лермонтовский код автопсихологической прозы С. Довлатова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2011. № 7 (69). С. 169-180.
6. **Доброзракова Г. А.** Поэтика С. Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX-XX веков: дисс. ... д. филол. н. М., 2012. 425 с.
7. **Довлатов С. Д.** Заповедник // Довлатов С. Д. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Азбука, 1999. Т. 2. С. 7-167.
8. **Довлатов С. Д.** Зона: записки надзирателя // Довлатов С. Д. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Азбука, 1999. Т. 2. С. 7-166.
9. **Довлатов С. Д.** Иностранка // Довлатов С. Д. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Азбука, 1999. Т. 3. С. 3-281.
10. **Довлатов С. Д.** Филиал // Довлатов С. Д. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Азбука, 1999. Т. 4. С. 4-135.
11. **Куллэ В.** «Бессмертный вариант простого человека»: Сергей Довлатов: эволюция авторского двойника // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / сост. и подгот. А. Ю. Арьев. СПб.: Звезда, 1999. С. 237-247.
12. **Лермонтов М. Ю.** Герой нашего времени [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/12/index.html> (дата обращения: 27.06.2019).
13. **Сухих И. Н.** Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Культ-информ-пресс, 1996. 384 с.
14. **Флобер Г.** Госпожа Бовари. М.: Т&GURAM, 2018. 480 с.

AUTOINTERTEXTUALITY IN THE SHORT NOVEL “A FOREIGN WOMAN” BY S. DOVLATOV

Vlasova Elizaveta Alekseevna

*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
kealis@gmail.com*

The article aims to detect and analyse the mechanisms for creating the auto-intertextual character of the short novel “A Foreign Woman” by S. Dovlatov. Thus, by the material of the short novel, the study focuses on illustrating how auto-intertextuality helps to realize the writer’s creative tasks. At the same time, the focus of the research is directed, first of all, not at the discovery of auto-intertext – the similarity of the short novel with other Dovlatov’s texts – but at the semantic (philosophical) component of auto-intertextuality. The author pays attention not to the formal presence of (auto)intertextemes, but to the content of references to earlier works used by the writer.

Key words and phrases: Russian postmodernity literature; “A Foreign Woman”; Dovlatov; auto-intertext; intertextuality.